

Изяслав Винтерман

Страсть страстей

Стихотворения

Серия «Срез»
Книга двенадцатая

119115

Литературное
объединение

*

Москва, 2018

УДК 821.161.1-1 Винтерман

ББК 84(2=411.2)6-5

В

Страсть страстей.

Сборник стихотворений/Изяслав Винтерман. — 80 стр.
с илл. — Серия «Срез». Книга двенадцатая. Книжные серии
товарищества поэтов «Сибирский тракт»
ISBN 978-5-9909267-9-0

Новая книга Изяслава Винтермана, поэта, живущего в Иерусалиме. Стихотворения автора отличает лиризм и лаконичность. В своих произведениях он часто обращается к лирическому адресату — Прекрасной Даме.

В оформлении использован фрагмент картины Клода Моне «Впечатление. Восходящее солнце».

ДИЗАЙН-БЮРО «РЕВОЛЬВЕРАРТ»
Делаем преимущества
очевидными

© Изяслав Винтерман, текст, 2018
© Издательство «СТИХИ», 2018
© М. Гурский, иллюстрации, 2018
© Дизайн-бюро «Револьверарт», 2018

Изяслав Винтерман

Страсть страстей

Стихотворения

I

СЛИШКОМ МНОГО ПОПЫТОК

Страсть страстей

прохладу или же жаркое
Гурману широким
и кра-шурь рожне козьяе
не свох, на фохт, маржиж
танкым, пером
гесоме по форе котя
моч в котю окоривое

Наше все с президиум к себе
возрасту в зельит! Нет, не
е вы ивет, а то на смурном
мужи
В тоб кноть в, капицел
мужи
с шлат на шлат
на время фрецит
убе ему битое
(сонм) не шурь те
нашан, ко исе, торго
в зеркалах,
ном, не фмао себе утрим
прокывав шурном,
а казем хуэриж
но горели, горели
и в шите, свом
серебря шурном

* * *

Только любовь может меня спасти.
Небо — волной нас подымает над... —
тело с душой, чтобы на миг свести,
и откатить назад;

Чтобы рассвета розовая вода
стыла в ладонях, будто огонь, легка...
Чтобы два сердца вместе ушли туда —
в небо, на облака.

...Если наутро выпадет боль росой.
Если мелодия лучше без слов, как свет, —
прямо в глаза — слепит, а по косою —
жжёт под тяжестью век.

* * *

На ресницах капли слёз тяжёлых,
и они срываются с ресниц,
вспыхивая, — свет усилен в голых
четырёх стенах, движеньях лиц:

все черты искажены и ломки
в приглушённом ходе темноты,
в запахе поплывшей киноплёнки,
склеенной во всех местах, где ты!

* * *

Всё закатают в снежный ком:
я снеговик, ты — баба
в три этажа. Глаза ледком,
сердечко бьётся слабо.

И башни города — из глаз,
из спин — мостов опоры.
И если мне не хватит ласк, —
а мне не хватит, спорим, —

ты станешь ниже на пролёт.
И из груди аллеей —
текут, как неготовый лёд
и света алетейя —

все музы в хороводе слёз,
бессонницей помяты.
Чего им только не спалось
под снег и запах мяты.

Слоями прожитых страстей
укладывая на бок, —
ком нарастает всё быстрее,
ты — снеговик, я — баба.

* * *

Лес тихо обожжён тобою,
последним солнцем из-под век.
Колышется, но с перебоем,
и застывает, глядя вверх.

Оттуда — веет, беспокоя.
Туда же — все его мольбы.
...Я был безумнее с тобою,
но откровенней в страсти был.

А солнце капает на темя,
чтобы унять деревьев скрип.
Лес охраняют светотени,
не раскрывая тайну крипт.

* * *

Снег — мягко падающий свет
качается на стуле,
читая тени, — чётко след,
пока снежок не сдули.

Я тоже выйду за черту,
став тенью необутой.
Монетой снег блестит во рту
за каждую минуту

смертельной жизни. Путь пролёт
позёмкой и метелью,
разбрызгивая света лёд
ночную каруселью.

...Переподкован на ходу
левшею снегопада,
свет переходит темноту,
где надо, и не надо.

* * *

Ты опять за свою шарманку? —
Никакой тебе новизны!
И словами, как снежной манкой,
вьюжишь песенку до весны.

На сто колдобин одна музыка —
мёрзлая времени колея.
То нема, то многоязыка
радость ясная — не моя...

* * *

Каждый себе река, в другую не хочет впадать.
Мимо рек, развёрнутых вспять,
и морей, на цыпочки встать,
и дальше — не угадать...

Наберётся тысяча рек —
быстрых и медленных — в никуда —
в небо и в землю, через которые ехал грек,
но пропал без следа...

Да будь ты хоть Амазонкой с бездною островов,
Нилом самим, съевшим бурые берега,
когда прибывает вода — ты к ней не готов.
Когда отступает — ты сам себе не река...

* * *

У тех, кого нет, перестало болеть...
О страсти и снеге — о них всего чаще
я думал, о голосе — тысячу лет
звучащем...

О *штандере, жмурках, наперегонки...*
О блеске кремнистом...
От взгляда — вспыхивают огоньки —
монисто

темнот, к которым привык...
О тени, режущей свету вены
под скрип половиц, — вжик-вжик —
благословенны...

* * *

Кто там с горочки катился,
ой, и, кажется, упал!
День в глазах его светился,
точно море среди пальм.

Кто лежит глазами к морю,
а не носом в тёплый снег,
и высматривает нору,
чтобы спрятаться от всех.

* * *

Ты мог тысячу раз... — почему не в этот,
почему остаёшься жив?
Чьею волею, чьим обещаньем света
сохранён... для чего — скажи!

Здесь война не заканчивается на лето,
когда все берут отпуска.
Ты мог тысячу раз умереть, но в этот
остаёшься живым пока.

Просто ты забыл: что ни жив, ни умер,
и паришь между сном и... сном, —
принимая желание жить за юмор,
умереть — за гротеск, приём.

* * *

Там, на улице, не умирает зима.
Постепенно, почти незаметно
умиранье. И сцена всё так же нема,
и без ветра не слышно, как метко

падают слова. И невидима кровь,
но течёт, будто ночь через поры.
И слова эфемерны, как неба покров, —
ни углов, и ни точек опоры.

Как унять ими боль, что идёт по пятам
и бушует в развалах рассудка —
смесью снега с дождём, и на улице, там, —
смерть последнею новостью в сутках.

* * *

Я хрупок — поэтому мир мой хрупок.
Он вроде крепчает, а вроде и нет —
в углу сознания, где ветер в рупор
ругается и плюётся в ответ

холодной, кислой — на вкус мой точный —
железисто-магниево́й водой;
немного ржавой и водосточной,
но с неба, и как ни крути — святой.

А я выражаю безумие сухо,
скорость падения, что велика,
не разбавляя ничем силу духа
и выживание на века.

* * *

Этот город меня обманул,
в утешительный дождь обмакнул.
Он меня, как усталый металл,
ржой накрыл и водой измотал.

Я пишу, сам не знаю, кому:
ей — случайной, любому — ему.
И письмом в этот город зову,
потому что и сам в нём живу.

* * *

Глядя в окно настоящего,
создавая только себя самого
из пепла звёзд нелетящего,
мглой застывшего, а могло
быть иначе всё: двери прошлого,
хлопающие в тишине
от дуновения ветра, непрошенного
гостя, отряхивающего шинель
от искр, тающих слёз Вселенной,
замерзающей без тепла
слов, превратившихся в прах нетленный
пепла и разбрызганного стекла.

* * *

Сочинял вне времени и вне места,
вне страны и вне языка.
Подключая сны свои вроде квеста,
чтобы вас не брала тоска.
Спите, милые, в спальнях или окопах,
время выбрало и меня
подсыпать вам в паузах и синкопах —
для негаснувшего огня —
листья в красных прожилках слова,
снег искристый на тыщу строк
быстро тающих, он возродится снова —
всеобъемлющ, как белый бог.

* * *

Откровения стóят бессонных ночей,
мук дневных и страстей не под силу.
Просишь бога о помощи... Только ничьей,
кроме собственной. Сложишь посылку —
шлѐшь себе, как на фронт... Или наоборот —
в тыл... Ленд-лиз, но с досадной задержкой.
Письма — только любовные — голубь берѐт
и несѐт птичкой белой и дерзкой.

* * *

Бог мир замкнѐт —
во всех местах
одни и те же лица —
как будто связаны в мечтах,
уж кто повеселится,
нас сталкивая, возмутив
пространство, дурачина...
Я сам ищу теперь мотив,
значение и причину.
Испрашивая у творца,
насколько всё серьёзно.
Одни и те же — без лица —
поротно и повѐдно.

* * *

Если бог тебя выбрал и превратил в сосуд
и доверяет тебе звучать;
И слушает ересь твою: «Я сам высший суд!» —
как же он должен тебе отвечать...

Он навестит твои сны. Напустит зверей.
И душу наполнит и повторит: прозрей!
Но этого будет мало, чтоб дальше жить, —
всех вовлекая в прозренья — не надо им дорожить,

как будто оно всесильно, а имя ему — любовь,
а не одно из многих — (хочешь, придумай сам!) —
«вечная боль», «вечный огонь»... Не оставляя следов,
дрожь откровенья идёт от тебя к небесам.

* * *

Пробую с кислинкою слова.
Вынимаю, как из патронташа.
«Алыча» — взведу, пальну — «айва», —
прячьтесь, убегайте, — дело ваше...

Если говорю во сне: «изюм», —
искажаюсь страшною гримасой
от оскомин... — Боже, образумь,
всех по одному, а сможешь — в массе...

Я останусь для тебя дитём,
не детиной, а дитятей глупой,
говорящей сквозь слова о том,
что душа не мирится с разлукой.

Ты не вспомнишь, как меня зовут...
Сам на имя не ведусь — не свыкнусь.
Время тут прощаться... Время тут —
безымянно — как же я откликнусь...

* * *

Жизнь исчезает, тает быстро,
как снег, играя на лету
холодным светом серебристым, —
светло обманчиво в лесу.
Вот-вот закончатся дорожки,
подмигивать устанет снег,
и ни землянки, ни сторожки.
По мрамору скользящий свет
крутящего картинки ветра —
куда? — где лестница, где лаз?
...Не сыгран Гамлет, да и Вертер —
не мной, не мной и в этот раз...

II

Море уместается всё

Страсть страстей

* * *

Ни смерти, ни бессмертия — не надо!
Что было на века — умрёт быстрее
минутной слабости:
что ты не песнь песней, а страсть страстей.

Слова сотрутся, пылью станут камни,
и заметёт песком твои моря.
Нам выпало искать себя, и нам не —
находить — ты не была моя.

Мой фон любимый — утро — ясным глазом
наскверлит дыры новые во мне, —
набьётся снег в них, но в обнимку ляжем —
и он растает...

Ты стоял в старину,
на пограничье ^{и чужды} ^{всех} ^{смерть}
и помнил слаб ^и ^{солнце}
перды ^и ^{тот}

~~и по-прежнему~~
~~на ресничках~~ ^{солнце}
~~и по-прежнему~~

как ^и ^{солнце} ^и ^{солнце}

~~на ресничках~~ ^и ^{солнце}
~~и по-прежнему~~

и казнь ^и ^{солнце} ^и ^{солнце}

на ^и ^{солнце} ^и ^{солнце}
на ^и ^{солнце} ^и ^{солнце}

на ^и ^{солнце} ^и ^{солнце}
на ^и ^{солнце} ^и ^{солнце}

Ты боимся ^и ^{солнце} ^и ^{солнце}
время ^и ^{солнце} ^и ^{солнце}
на ^и ^{солнце} ^и ^{солнце}
и ^и ^{солнце} ^и ^{солнце}

Еще ^и ^{солнце} ^и ^{солнце}
и ^и ^{солнце} ^и ^{солнце}

Ты ^и ^{солнце} ^и ^{солнце}
смерть ^и ^{солнце} ^и ^{солнце}

и ^и ^{солнце} ^и ^{солнце}
о ^и ^{солнце} ^и ^{солнце}
и ^и ^{солнце} ^и ^{солнце}

* * *

Мороз по коже, холод выше глаз,
tattoo на веках.
Снег свежесыпавший и синеватый газ
сгустится в ветках.

И вместо бога — Санта-мукомол,
больной ангиной.
По сумеркам летучий ледокол —
звездой гонимой —

меняет все созвездия на раз
и слов соцветья.
Зима почти невидима для глаз
на полстолетья.

И чёрен снег и бел — неонуар —
миропорядок...
В глубоких ранах роется фонарь,
в снегу догадок.

* * *

Стервозный дождик мелкий
цепляется к ветвям
и липнет карамелькой
навязчивой к словам;

сечёт глаза и щёки,
схватившись с ветром зря
в обманчивом расчёте
на скорость декабря.

* * *

Я не могу
выдуть воздуха шар,
сделать стеклянный глоток.
Снег — чисто-белый густеющий пар,
а не материя строк.

Вот он болит,
будто старый ожог,
тысячи прожитых лет.
Посланный лучик нашёл рычажок —
сыплется девственный свет.

Только любовь оставляет штрихи —
бледных следов завиток.
Неузнаваемо бел,
как стихи,
снег для двоих — между строк.

* * *

Я твой диггер, ты — мой свет.
В мягкой внутренности ночи
тёмной страстью одиночки
и фонариком согрет.

Бросишь в темноту кольцо —
заблестит кусок дороги.
Тени кротки, длинноноги,
заиграются в серсо.

* * *

Здесь Голиаф курил свой «Голуаз».
Вид гор не изменился, слава богу!
Плеснуть бы моря, лес взрастить до глаз,
замазать деревушку слева, сбоку,
что молится протяжно в три утра,
но как по мне — глубоким синим ночем,
когда забавны сны, и жизнь-сестра
доводит до черты безумной скотчем.

И ешь себя, как будто находя
в том злое удовольствие от боли.
Как горы, я застрял здесь на года,
но я люблю назло... — чего же боле...

* * *

Я всею силой зацвел —
блестел метной цветалл.
Багряной осени обвал
лицо обогревал
переизбытком слов и вин,
слияньем половин.
Да не закончится — аминь! —
прощальный хэллоуин.

* * *

Луна на шпильках сквозь дремучий лес.
Мир в щепки —
от страсти. Я на дерево залез —
взлечу на небко.

Там — божьими коровками — узор
в калейдоскопе бога.
Он крутит небо сам с собой на спор
и смотрит в оба.

И кружится от счастья голова,
планета под ногами.
Но он помирят чувства и слова,
хоть сам на грани!

* * *

«Холодно!» — это мой позывной —
ты меня обнял.
Только согреюсь — волной взрывной
бросишь на облака.

Там только я, да и тот — не я!
Там каждый сам по себе.
Какое дело до инея
и капелек на губе...

Если «не холодно», то есть — да! —
но не смертельно так...
А в настоящие холода
не разлепить уста.

* * *

Те двое, что лежат, не зная,
ещё не зная, что почём, —
проснутся, как цветок срезая,
чуть распутившийся, — лучом!

Он не завянет, не завянет,
и вечным будет здесь огнём,
меняя тысячу названий —
в двоих — движении одном!

* * *

Женщина эта могла бы меня зажечь!
Я за такую — мог бы убить, украсть.
На́ гору камень вкатить или сбросить с плеч,
и умереть, если этого хочет страсть.

Я полечу за ней, но пока пешком.
Ночью кромешной — в мчащийся товарняк —
я на ходу запрыгну и с вещмешком...
Только пешком, без груза — тогда верняк...

Я на краю балкона стою, машу —
крылья пытаюсь высвободить на миг,
вросшие в грудь и в спину... С трудом дышу.
Падаю, падаю... Ангел мой, обними!

* * *

И я возбудился с другою —
на время, потом — навсегда.
И горы пошли за горою,
за ними — большая вода;

и вспыхнули ветви листвою
намокшею... В радужке глаз
слегка отразилось живое,
ещё не умершее в нас.

Очнулся — недвижимо время...
Дрожащее тело всего
совсем не желало — со всеми,
а только с тобой — чур его!

* * *

Мир показывает раны свои и... войны.
Свои дыры глубокие, минные поля.
Мы в него приходим — дики и своевольны.
«Мир — говорим, — *привет и... фа-фа, ля-ля...*»

Овладеваем собою к концу поближе.
Грустью и радостью овладеваем мы.
Меряем температуру февральской жижи
и раскалённой тьмы.

И это понятней, чем то, что во мне, со мною,
чем движенье в одно касанье от смерти к любви.
И просишь прощения, стоя перед стеною,
и просишь у мира неистово: благослови!

* * *

Запах йода, какой-то мази
от халата и от волос.
Время вилося в случайной связи
и пока не оборвалось.

И лица-то её не помню —
только тёплый души покой
на меня будто чашей полной —
она просто была такой.

* * *

Глотнуть две дозы коньяка,
и на бензине этом —
хоть в космос, божья там нога
ступала по планетам.

То огненный, то чёрный дождь,
обманчивая внешность —
не подлетишь, не подойдёшь —
какая-то погрешность,

а может, самый чистый грех,
но искренний. И стоя
я пью за космоса сугрев,
опять надежды строя.

* * *

Вставай, из Египта пора выходить,
менять дважды в сутки рингтоны.
Слоями песок, чтоб меня охладить,
Луна, как пятно над притоном,
расходится, и утыкаясь в него,
в остатки родимого неба, —
впитаются ласки и хлеб — в одного,
в другого — отсутствие хлеба,

досады сады и восходы чудес...
Вставай, собирайся, родимый.
Ещё успеваешь и там быть, и здесь,
и встретить нас посередине...

* * *

Есть тысяча ответов на вопрос.
Вопрос не задан, что же остаётся:
подслушать шелест листьев, шум волос
про дождь, что хочет лить, но не прольётся
на грешных, что горят в своём огне,
и от дождя сильнее разгорятся.
...И нет такой любви и сил во мне,
чтоб и любить, и не сопротивляться.

* * *

Ну что ты ноешь про Италию —
поедем! — в знойном январе! —
Под дождь в душе и в сердце валиум,
картинку в рамке на дыре —
там будешь нить и пить... холодную.
Пейзаж закускою в окне...
Мечты, мечты... Труби походную —
но дождь, но снег, и... Рим в огне.

* * *

Я любил, как любить невозможно —
так и хотел любить...
Еле сдерживал в теле огонь тревожный,
память хрупкую в восемь бит;

сожаленье, что вторгся январской щелью —
как в свою ещё — в чью-то жизнь.
Что ж теперь уже — тут конец веселью...
Хоть на краешке удержишь.

Утра жди, и даже готов будь раньше:
в каждой мелочи и в штрихе,
и в намёке тёмном или оранжевом —
свой штрих-код распознать в стихе.

* * *

Я пишу тебе письма на северный фронт.
Десять писем, и все без ответа.
И зажата землёй, где замёрз Ахеронт,
небом ярко-холодного цвета,
остывает душа... застывает земля...
иней бархатный кажется плисом.
Но взрывается страсть — выпадает зола
в крупных хлопьях разорванных писем.

* * *

Сырое сознание делает слепки
того же двадцатого дня февраля.
И голосовые не связки, а скрепки
царапают горло: фа-до, ми-ре-ля.

Не пой в это влажное время под утро,
молчи после долгого жаркого сна.
И день бесконечен, всё тот же, как будто,
вчера — это завтра, похожее на...

тебя. Узнаёшь, оставаясь не узнан.
Жил в маске и был одиноким сто лет.
И сбрасывал кожу, что стала ненужна,
ронял лепестки дню любому вослед.

* * *

Наполовину — жизнь прекрасна —
живи её, твори!
И плещутся без пенки-ряски
молочные миры
в своём первичном океане,
не разделяя дни, —
они светлы, не окаянны,
и в целом не трудны.
Но мы не понимаем счастья —
его как будто нет.
И до меня не достучаться
за сто каких-то лет.

III

Седлая бабочек

Страсть страстей

Короче - тогда
до выкупа за Вера

Может быть
ты меня не узнаешь

ты и я
есть в нас хобби
всех мелочей, то есть
во всех домах
что мы кроме еды и себя

моя мама время время
вот так в море ~~идет~~ ^{идет}
потом

я хочу чтобы летели
не север ~~то восток~~
то восток ~~север~~ не чужды
и души ~~звезда~~

могу есть, влюблен ~~исход~~
~~что оста~~ ~~тогда~~ ~~идет~~
мен

~~вместо~~ ~~дроме~~

эта же не ~~исход~~
может ~~идет~~ ~~идет~~ ~~идет~~
идет.

бы то была ~~идет~~

помощь ~~идет~~
идет ~~идет~~
какая ~~идет~~ ~~идет~~ ~~идет~~
идет ~~идет~~ ~~идет~~ ~~идет~~

Седлая бабочек

Я хочу быть счастливым, как Набоков
со своими бабочками.

Я же знаю, для чего ему сачок...

И слова, как слёзы, мрамор щёк...

Всё равно: леском или поляною,
где-то между дачных островков,
между жизнью — пухом — и желанною
связью без прыжков и без рывков.

А потом — этаж в любой гостинице.
Всё равно вокруг всегда слова.
Их пыльца — то русский, то латиница.
Счастлив — их лова и не лова...

* * *

Карандаш с острым грифелем — скальпель.
Под корою живая вода.
Тонкой линией в радужке Альпы
и цветные лучи из ведра.

А по ним скачет бледная птаха,
электрическим звоном дрожит.
Мы под кайфом любви или страха
всем готовы рискнуть и не жить.

Сыпани с неба мёрзлых горошин,
хлопья снега нам в уши и в рот...
Острый грифель нажимом раскрошен,
тёней хворост огонь не берёт.

* * *

Твоя нагота, наготка — неловка.
Не дожидаясь хлопка,
с ногтика божья стартует коровка
на страстные облака.

Разворачивая душу и... бёдра,
жажду, зовущую вспять.
Прощаясь с тобой до утра, но бодро
шепча: спать...

Самым привычным станет молочный,
не колкий свет.
Цвет тихого неба — такой потолочный —
несущий вверх.

* * *

Я навещу вас добрым клоуном
с улыбкою в глазах —
искорками ёлки новогодней.
Ёлочка, зажгись! — И миллионам
светит в небесах
звёздкой путеводной.

Будто в темноту — для пытливых глаз
настежь дверь и — вспыхивает... эхо.
Светится материя ковровая —
толщиною в город (я его проехал);
шириною в жизнь — одна из них (которая?) —
светится и светится, чтоб ёлочка зажглась.

* * *

Мы поплевали троекратно —
и там сгустилась темнота.
И получили мы обратно
неадекватного кота.

Бросали, будто в чёрный ящик:
без стенок, крышки, и без дна,
и на дорогу дали хрящик,
и с тем его послали на...

...Так мир устроен — зло и просто:
испытан, чтоб наверняка, —
кто заслужил вернуться после
из ада без проводника.

* * *

Открываешь глаза или уши —
ткань шуршит по стеклу.
Утро хочет со мною в кровать —
ну и туша! —
лучше рядом ему постелю.
Э, ну хватит глаза открывать...

Рвётся марля и банки везде —
с солнцем сладким и жидким,
цветастым вареньем.
Зной. И не отличаешься рвением
ни к засолке, ни к быстрой езде,
ни к другим пережиткам

той поры или этой поры...
Но подсушено время на рёбрах,
открывает глазища во мне —
в банках люди в малиновых дебрях,
в чаще мяты, укропа, коры,
в цепких зарослях — слава зиме!

* * *

Хочу
написать то,
что не пишется,
не сочиняется;
Кручу
в сознании его шар,
не крутящийся шар...
Бьюсь
об угол себя самого —
бу-бу-бу —
пузыри —
школа выдоха
темноты,
молчаливой музыки,
слов, что сглотнул.

* * *

Ты ночью разрываешь тишину:
и шепчешь, и кричишь, —
но только бормотанье и мычанье,
но только клокотание внутри —
и ничего наружу не доходит...

...Луну схватить за кончик языка,
остановить невнятицу ночную,
в которой ты казалась мне близка, —
когда же понимать её начну я...

* * *

Я не вижу пейзажа, что за пейзаж,
что за станция и остановка,
от которой окурками (столько-то в час)
и глотками (что это за водка?) —
столько дикой природы, загаженной в хлам...
Пьян я, чтоб наказать виноватых,
чтобы требовать, как фронтовые сто грамм,
как затяжку небес синеватых.
...Но колечками вдаль понеслись облака
и погнал мусор северный ветер,
и глаза просветлели на долю глотка, —
я приехал на твой километр.

* * *

Ухожу от тебя в монастырь.
Ну конечно, в мужской, а не в женский,
как хотелось. Нюхну нашатырь,
чтобы в обморок кофе по-венски
не унёс, как дождя аромат,
стул плетёный, приподнятый локоть, —
файв-о-клок. Я учил сопромат,
и не сопротивляюсь быть лохом.
В глушь уеду, конечно же, сам,
в ночь, на необитаемый остров.
Из теней по горам и лесам
собирая разрушенный остов.

ВАРИАЦИИ БЕЗ ТЕМЫ

1.
По возрасту — мне стыдно дважды —
писатъ. Не пахано... не доена...
не выплачен оброк...
Но я — есть я! — не каждый...
И если жизнь раздвоена —
так между строк;

и, как губа, (по слухам — нижняя,
прилип окурок к ней), —
брезглива, не смотри...
И дутые-надутые
водою черви книжные,
о, как же самокри-
тичны — ну, скромней!

2.
По возрасту — мне дважды —
не стыдно
писать.
Пусть поле не пахано,
скотина не доена.
Пусть десятина,
барщина —
не плачены.
И женщина моя — ехидна,
и дети мои — родина.
И губка выпячена...
Окурок сплуну.
Просто сплуну.
И дутые-надутые
идут ко мне
за поздним
похмельем,
красавцы
настолько знамениты...

* * *

Отпустить все слова по течению
неспешному талого льда;
приключению души, увлечению
неслышимой музыкой скальда.

Не услышишь речь, но увидишь воду...
Ударясь о камни человеком, — ты —
отлетаешь от камня птицей без роду
в траву отсыревшую или в кусты,

где пёстрые змейки приливом тока
замыкают слова, создают узор:
то прямую речь, то романс жестокий,
то шум белый, непонятый до сих пор.

* * *

Утро включают,
понесётся птичья перестрелка.
Кто кого? — Мотоцикл, дрель или они?
Или — вдребезги немытая тарелка,
и по Мёрфи — кофе на штаны.

За окном не ночь, а русский космос!
На пуантах строится балет —
рассчитайсь... кто первый? — длиннокосмый
или эта, с кичкой? — ей билет...

Утро включают, и подключатся деревья,
прорастая в толщину и вширь.
И всю подтянутся деревни
к городу с проверочкой на вши.

И убогие, в клоунских одежках, —
мы, проросшие стихом на толщу всю, —
еле держимся. А держимся — на блошках и на вошках.
Без скафандров — в космос. Хана космосу!

* * *

Круговой перекрёсток
наматывает на бобину
чёрные улицы, не испачканные снегом.
Деревья — не ставшие птичьим домом —
жаль, особенно — рябину...
Звук с зажёванной плёнки поплывший,
и — ничего, что свяжет с небом
живущих в слое придонном.
Жизнь — жертва богу? — обоих нету!
Жизнь на экране клятом
мобильного интерната.
Речка возьмёт монету,
примет любую плату,
я попрошусь стать пернатым.

* * *

Я среди малышей, которые выросли, —
жаль, не я их вырастил.
Я не имею права на них:
дарить им пряники, совать рубли,
просить их милости,
навязываться, что я и есть проводник
в царство мёртвых,
в королевство высокого напряжения.
Вот-вот замкнёт меня или их коротнёт.
Коротышки откажутся вежливо
или грубо выйдут из неловкого положения,
не разрывая аорты или тенёт.

* * *

Мы ни тяжёлыми не найдены, ни лёгкими, —
мы в невесомости, кто на спине, кто брассом.
Земля, как лодка, проплывает между лодками,
нас выбросило где-то рядом с Марсом,
возможно, раньше: на углу Художников
и Розы Люксембург... Летя на голос,
мы падали словами света с дождиком
и распускались, точно гладиолус.

* * *

Глубже в глазу — берег моря,
море само.
Я ветеран, не знающий тремора.
Воды — само-
тёк.

Где рука помощи, близости? —
Я позову.
Напряжение в радости, в злости —
моря —
цвет в звук.

Воды мутные, ржавые днища —
на дне..
Проснёшься — тебя здесь не было, не...
Вокруг — красотища!
Души не надо, и тело лишне,

но напряжение выше сил...
Тот не выжил, а этот терпит,
забываясь в строчках. Что за стиль? —
морской, качающе-пьяный,
меланхолически-терпкий...

* * *

Так и выглядит жизнь и, пожалуй, рай:
люстры хрустальные, красная бахрама.
Женщина пышнотелая, чуть хрома,
радуется. Чувства эти не потеряй...

Главный орган письма — весьма и весьма...
Полюбить такого любая могла.
И на её огне (оттого смугла) —
он горит и горел... Зима ведь почти весна.

И даже любовь — не страсть, и не страсть, как секс, —
случайна, нелепа, желанна, — какая есть...
Другой и не будет... Смотри на неё... — Луна
полная-полная из-за облака-валуна.

* * *

Замолчи, и ты услышишь
дольней лóзы шум и треск.
Пробирает ветер свыше
до костей, но ты нетрезв;
до смолы рифлёной — крыши —
до растрескавшихся стен...
Замолчи, и ты услышишь,
кто о чём молчит и с кем;
ветра перебор по рёбрам;
воздух, падающий вниз, —
птицей раненой подобран,
зацепилась за карниз...
Я не дам ей больше хлеба,
не отвечу сквозь стекло, —
пусть винит людей и небо
и клюётся всем назло.
Ей известно имя тварей,
чьих всё дело слов и рук.
...Слушай, ты, гуманитарий,
здесь стреляют, а не врут.

* * *

Прошлое вытряхни из меня —
светлым песочком из рюкзака,
крошками хлеба и табака —
высыпь века;

Греешь овчиной, мокрой насквозь, —
до кончиков нитей и жёстких волос,
до самых корней, стянувших века, —
до этого дня;

стянувших меня, содравших с меня —
одежду и кожу — прошли времена,
рассыпалось тело, но свыклась душа —
и не ушла...

Для толстых створчатых
рыб тинити (шкетт)
стелая летая вращука
магука на полове
[5 м] 10

и пружинке в

Пулково
о в студи устье взмететь
к небесным мукам
из скрест тормозин
температуру
и там, на небесах ми
кредо мушки

12
10
10
и врод с мотом аруком
портим ару
или ару

Да, мне стелити
вотомом сова
и олове и с елочками
мушки
и шова мизм
в отомом выском
включает стилик

Содержание

I. Слишком много попыток

«Только любовь может меня спасти...»	7
«На ресницах капли слёз тяжёлых...»	8
«Всё закатают в снежный ком...»	9
«Лес тихо обожжён тобою...»	10
«Снег — мягко падающий свет...»	11
«Ты опять за свою шарманку...»	12
«Каждый себе река, в другую не хочет впадать...»	13
«У тех, кого нет, перестало болеть...»	14
«Кто там с горочки катился...»	15
«Ты мог тысячу раз — почему не в этот...»	16
«Там, на улице, не умирает зима...»	17
«Я хрупок — поэтому мир мой хрупок...»	18
«Этот город меня обманул...»	19
«Глядя в окно настоящего...»	20
«Сочинял вне времени и вне места...»	21
«Откровения стоят бессонных ночей...»	22
«Бог мир замкнёт...»	23
«Если бог тебя выбрал и превратил в сосуд...»	24
«Пробую с кислоткой слова...»	25
«Жизнь исчезает, тает быстро...»	26

II. Море уместается всё

«Ни смерти, ни бессмертия — не надо...»	29
«Мороз по коже, холод выше глаз...»	30
«Стервозный дождик мелкий...»	31
«Я не могу выдуть воздуха шар...»	32
«Я твой диггер, ты — мой свет...»	33
«Здесь Голиаф курил свой "Голуаз"...»	34
«Я всюю силой зацветал...»	35
«Луна на шпильках сквозь дремучий лес...»	36
«"Холодно!" — это мой позывной...»	37

«Те двое, что лежат, не зная...».....	38
«Женщина эта могла бы меня зажечь...».....	39
«И я возбудился с другою...».....	40
«Мир показывает раны свои и... войны...».....	41
«Запах йода, какой-то мази...».....	42
«Глотнуть две дозы коньяка...».....	43
«Вставай, из Египта пора выходить...».....	44
«Есть тысяча ответов на вопрос...».....	45
«Ну что ты ноешь про Италию...».....	46
«Я любил — как любить невозможно...».....	47
«Я пишу тебе письма на северный фронт...».....	48
«Сырое сознание делает слепки...».....	49
«Наполовину — жизнь прекрасна...».....	50

III. Седлая бабочек

«Я хочу быть счастлив, как Набоков...».....	53
«Карандаш с острым грифелем — скальпель...».....	54
«Твоя нагота, наготка...».....	55
«Я навещу вас добрым клоуном...».....	56
«Мы поплевали троекратно...».....	57
«Открываешь глаза или уши...».....	58
«Хочу...».....	59
«Ты ночью разрываешь тишину...».....	60
«Я не вижу пейзажа, что за пейзаж...».....	61
«Ухожу от тебя в монастырь...».....	62
Вариации без темы (диптих)	
“По возрасту — мне стыдно дважды...”.....	63
“По возрасту — мне дважды...”.....	64
«Отпустить все слова по течению...».....	65
«Утро включают...».....	66
«Круговой перекрёсток...».....	67
«Я среди малышей, которые выросли...».....	68
«Глубже в глазу — берег моря...».....	69

«Мы ни тяжёлыми не найдены, ни лёгкими...».....	70
«Так и выглядит жизнь и, пожалуй, рай...».....	71
«Замолчи, и ты услышишь...».....	72
«Прошлое вытряхни из меня...».....	73
«Из любви если создавал нас бог...».....	74

Изяслав Михайлович Винтерман
«Страсть страстей»

16+

Серия «Срез». Книга двенадцатая.

Книжные серии товарищества поэтов «Сибирский тракт»
revolverart.ru

Арт-директор, автор макета: Арсений Ли
Концепт-директор: Андрей Пермяков
Главный редактор: Алла Поспелова
Художник: М. Гурский
Вёрстка: Роман Шишкин
Корректор: Инна Домрачева

Бумага офсетная
Гарнитура Minion Pro
Тираж 250 экз.

Издательство «СТИХИ»

141705, Россия, Мытищинский р-н, с. Виноградово, 48 а/б
тел.: +7 (926) 221 1816
почта: lee@revolverart.ru

Издательство Марины Батасовой

почта: tverlit@yandex.ru

Отпечатано в ООО «Альфа-Пресс»

170000, г. Тверь, ул. Советская, 15
тел.: +7 (910) 532 1504
почта: alfa-press@mail.ru

Автор

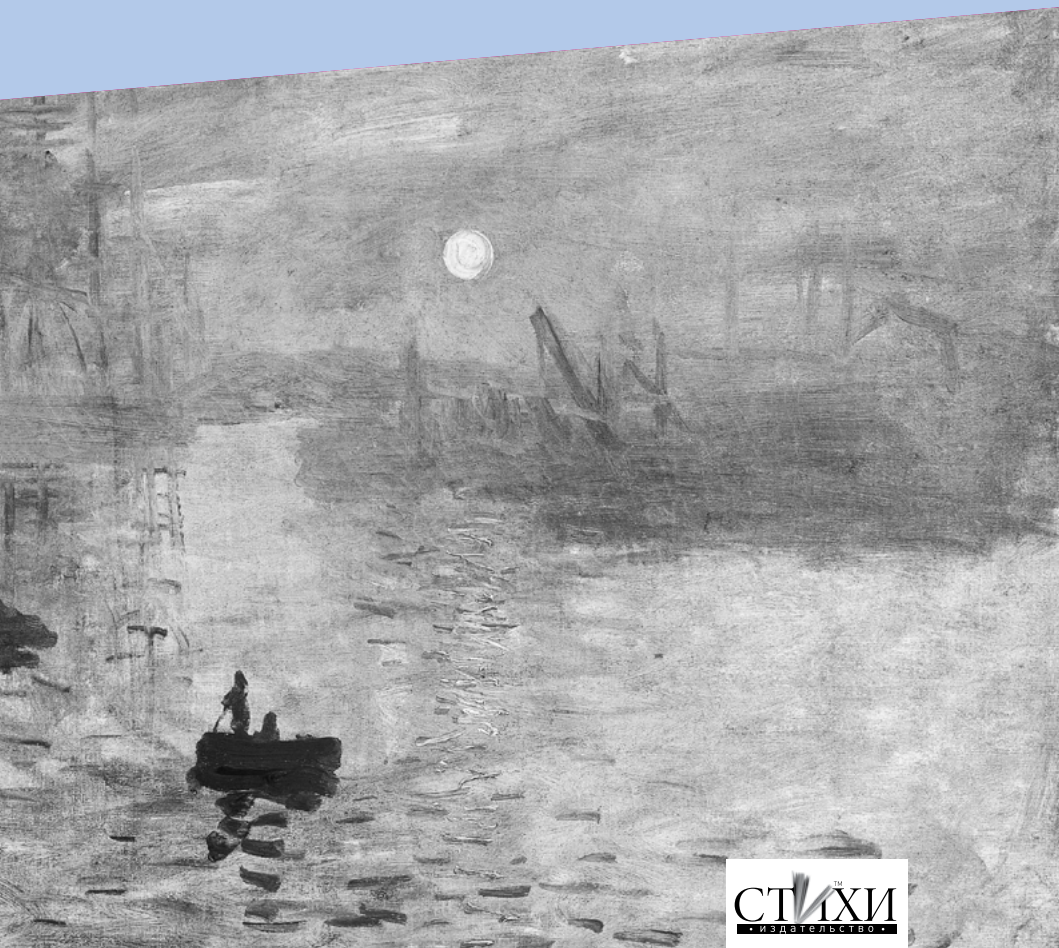
e-mail: slava.winterman@gmail.com
<http://www.facebook.com/slava.winterman>

Литературное
объединение

Серия «Срез»
Книга двенадцатая

ISBN 978-5-9909267-9-0

Серия «Срез»
Книга двенадцатая

Стихотворения

Изяслав Винтерман

Страсть страстей

Стихотворения

Изяслав Винтерман • СТРАСТЬ СТРАСТЕЙ

11/19/45

11/19/45